

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.2

УДК 338. 924, ББК 65.050.22

© Лаженцев В.Н.

Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

Коми НЦ УрО РАН

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26

vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

Аннотация. В условиях несбалансированного по факторам и финансовым источникам развития экономики России для ее северных и арктических регионов¹ возрастает угроза истощения природных ресурсов без какой-либо видимой пользы для самой России, а тем более для северян. Для правильного формирования северной политики необходимо учитывать не только специфику сырьевой специализации северных и арктических территорий, их структурно-функциональное устройство, но и решающее значение общественного характера такой специализации и такого устройства. Именно с точки зрения общественных интересов и национальной безопасности нашей страны жителей «северов» надо рассматривать не как инструмент обеспечения мировой экономики сырьевыми и топливными ресурсами, а как самоценную данность, претендующую на свое «место под солнцем» и способную это место обустроить, исходя из собственных способностей, потребностей и представлений о благополучии. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать общественный характер взаимообусловленности внутренних и внешних факторов развития Севера и Арктики: национального и мирового рынка минерального сырья и топлива, трансконтинентальных, региональных и локальных экологических функций тундры и тайги, общих тенденций совершенствования экономического федерализма и особого подхода

¹ К Северу отнесены Крайний Север и местности, приравненные к районам Крайнего Севера; к Арктике – та часть Крайнего Севера, которая зафиксирована Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. №296.

Для цитирования: Лаженцев, В.Н. Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России [Текст] / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 43-56. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.2

For citation: Lazhentsev V.N. Public nature of the concepts for economic development in the Northern and Arctic regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 43-56. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.2

к стимулированию регионов с экстремальными и сложными природными условиями жизни и производства, приоритетности социального благополучия укорененного на Севере и в Арктике населения на фоне стремления к общероссийской социально-территориальной справедливости.

Ключевые слова: общественные перемены, северная специфика, концепции, освоение и обустройство, экономическое стимулирование, экологический фактор, системная модернизация.

Исходя из тезиса, что *регион есть развивающееся население*, О.С. Пчелинцев писал: «Ведущая роль регионов в экономической системе устойчивого развития реализуется через функции организации воспроизводства качественных ресурсов методами обустройства территории и развития инфраструктуры» [10, с. 9]. Это правильно, поскольку качество жизни каждого человека и общества в целом определяет смысл наших намерений оценить настоящее и определить будущее того или иного региона.

Социально-экономическая география и региональная экономика (в России и других развитых странах) в своих теоретических концепциях в настоящее время первостепенную роль отводят историческим приобретениям (включая разнообразие природных и культурных ландшафтов) и интеллектуальным ресурсам. Общественные формы организации хозяйства (концентрация, специализация, комбинирование, кооперирование, интеграция) наполняются новым содержанием. Решающую роль играет территориальная концентрация знаний и инноваций; пространственно комбинируются интеллектуальные возможности специалистов, происходит их кооперирование в рамках территориальных кластеров, нацеленных на решение конкретных проблем инновационного развития; межстрановая и межрегиональная интеграция всё более осуществляется как управляемая взаимосвязь разнообразных сфер деятельности. Огромную роль в жизни общества стали играть людские, денеж-

ные и информационные потоки, а также высокая мобильность организационных структур управления, усиление попутного эффекта от одного вида деятельности для ряда других видов [5, 6].

Все эти инновации относятся и к Северу. Именно опираясь на идеи повышения качества жизни, северная политика должна быть направлена на решение конкретных проблем относительно столичных функций областных, республиканских и окружных центров, допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др. Свои «проблемы качества» имеют города и районы нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» горно-обогатительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают и оленеводы, а также работники сферы обслуживания из-за снижения спроса на их продукцию и услуги. Заметим: в городах и районах лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации проживает четверть населения Севера. Устойчивое развитие этих территорий становится первостепенной проблемой не столько по производству, сколько по выбору новых форм социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и живущие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по идее постиндустриального

развития должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционный уклад жизни [3].

На Севере России производится примерно 15% ее внутреннего валового продукта, в том числе в Арктической зоне – 10%. Эти доли постепенно снижаются по двум причинам: положительной – хотя и медленной, но все же рост экономики центральных и южных регионов страны; отрицательной – «топтание» (с точки зрения макроэкономики) на месте всех северных регионов, за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, без сколько-нибудь заметного продвижения вперед.

Прогнозы, стратегии и программы развития северных и арктических регионов отражают трудности роста экономики в условиях снижающихся мировых цен на углеводороды и минеральное сырье, а также недостатка мощностей по их переработке внутри России; динамика ВРП и производительности труда предстоящих 5–10 лет фиксируется на уровне 2–3% в год [1]. При этом рост малыми темпами относится к выпуску основных видов продукции промышленности и сельского хозяйства, но не к сфере энергетики, транспорта, строительства, ЖКХ и других социальных услуг, банковско-финансовой деятельности, государственного и муниципального управления. Здесь уровень организации технологий и труда еще более низок, но высоки цены и тарифы. Такого рода баланс

низкого и высокого позволяет сводить «концы с концами» отдельно взятым организациям, но тянет вниз общую экономику регионов и страны в целом.

Показателен в этом отношении пример Республики Коми. Из *табл. 1* видно: численность населения и занятых трудом снижается; производство ВРП колеблется вокруг базовых 100%; производительность труда растет крайне медленно.

При созданной в прогнозах структуре производства места для науки и научно-технического прогресса не находится. Проблемы перехода от низкого к более высокому технико-экономическому укладу экономики не отражаются. Не отражаются и проблемы совершенствования общественных отношений. Как-то удается обойти вопросы оптимального землепользования с учетом необходимости организации экологически чистого сельского хозяйства, максимизации размера распределенного фонда земли и его структуризации по формам собственности: федеральной, субфедеральной (областной, краевой, республиканской), муниципальной, личной. То же относится и к лесным планам и программам недропользования. Прогресс же в части ведения домашних и других хозяйств малых форм до сих пор ни в одном государственном документе не рассматривался.

Это результат того, что в условиях периферийного капитализма общество особенно сильно подвержено влиянию политических и экономических кризисов, различного рода трансформациям и

Таблица 1. Социально-экономическая динамика Республики Коми в 2010–2018 гг., %* [13]

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность населения	100,0	99,8	98,7	97,7	96,9	95,9	95,1	93,9	93,1
Число занятых в экономике	100,0	98,6	97,6	95,2	92,7	91,0	89,8	88,6	87,8
ВРП в постоянных ценах 2010 г.	100,0	105,7	107,6	104,0	102,4	98,5	99,9	101,6	103,1
ВРП на одного занятого	100,0	107,2	110,2	109,2	110,4	108,2	111,2	114,7	117,4
* Регионы России [11]; 2016–2018 гг. – оценка автора.									

деформациям. Основное внимание приходится уделять не жизненно важным обстоятельствам функционирования региональных и локальных социумов, а макроэкономическим показателям, например внутреннему региональному продукту. «Разброс» же прогнозных оценок данного показателя даже при двух вариантах (минимум – максимум) в северных регионах составляет 2,5–3 раза. Сказывается труднопрогнозируемый характер самих кризисов, хотя бы потому, что к ним нелегко привыкнуть как к неизбежному факту. Вместе с тем именно в кризисные времена приходится переоценивать прошлый опыт прогнозирования с ориентацией только на положительную динамику.

Смена концепций развития

Экономика Севера России до сих пор была связана в основном с освоением его природных ресурсов, транспортным строительством и традиционными отраслями хозяйства малочисленных народов. Природно-ресурсная специализация в составе национальной экономики исторически обусловлена и вполне правомерна. И в современных условиях проблемы расширенного общественного воспроизводства не могут быть решены без ресурсов Севера. Однако принципы их вовлечения в мировое хозяйство представляются неоднозначными.

Обстоятельства национальной экономики отражаются в трех подходах к Северу, в основе которых лежат идеи: 1) дальнейшей колонизации Севера, но уже в качестве сырьевого придатка не только российской, но и всей мировой экономики с ее транснациональными корпорациями; 2) свободной (рыночной) торговли природно-сырьевыми ресурсами Севера со стороны отечественных и «смешанных» предприятий, находящихся в юрисдикции России, но без ограничений (кроме страте-

гических дефицитных ресурсов) и по правилам Всемирной торговой организации; 3) прикрепления ресурсов Севера прежде всего к российской обрабатывающей промышленности, рынку с ограничением вывоза минерального сырья, нефти, газа, угля и древесины за границу.

На наш взгляд, приоритет следует отдать третьему варианту, то есть полнокровному развитию национальной экономики со сбалансированным сочетанием добывающих и обрабатывающих производств. Это обуславливает взаимодействие субъектов хозяйства, размещенных на Севере, со своими отечественными и иностранными агентами по поводу распределения не ресурсов (товаров), а доходов (прибыли) от продажи ресурсов.

Концепция развития Севера России – «освоение природных ресурсов ради валютной выручки» – постепенно приобретает новую трактовку: «освоение природных ресурсов, модернизация производства и транспорта, обустройство территорий проживания населения ради обеспечения национальной безопасности России и устойчивого развития ее народного хозяйства». С общественной точки зрения естественный ход социально-экономического развития Севера (включая континентальную Арктику) с образованием здесь историко-культурных очагов относительно устойчивой жизнедеятельности как частей единого государства более значим, чем внутрироссийская колонизация ради накопления капитала. Данное положение важно подчеркнуть еще и потому, что в настоящее время преобладает другая позиция, ориентированная почти на полный вывоз потенциального капитала в Москву и за границу. Неслучайно научные сотрудники РАН и практики регионального управления, профессионально знающие экономику Севера, выделяют

как минимум две группы общественно значимых факторов устойчивого развития северных территорий: «Во-первых, это перераспределение рентных платежей, которые обеспечили бы достойный уровень жизни проживающих и работающих в экстремальных условиях людей. Во-вторых, это диверсификация и инновационная перестройка экономики, которая повысила бы конкурентность хозяйственных систем в обозримой перспективе» [14, с. 40].

С учетом данной концепции в последние годы активизировались научные исследования в области комплексного социально-экономического развития северных субъектов Федерации и территориальных систем, «лежащих поверх административных границ»: Карело-Кольской, Двино-Печорской, Обь-Иртышской, Ангаро-Енисейской, Северо-Восточной и других. Усилилась роль социальных аспектов развития и этнокультуры с учетом того, что образ жизни, язык, культура, методы хозяйствования проживающих здесь народов являются самоценными. Предпринимается попытка научно обосновать модели благосостояния населения северных территорий. Предлагаются различные варианты оптимизации здесь численности постоянного населения и привлекаемых работающих вахтовым методом или сезонно.

Суть правильного подхода к решению северных проблем заключается в следующем: сначала нужно понять закономерности естественноисторического вектора развития народонаселения и хозяйственных систем Севера, а уже затем косвенно, через социальные и экономические механизмы, способствовать их реализации. В связи с этим заметим, что все регионы Европейского Севера и некоторые регионы Азиатского Севера России в конце 1980-х гг. имели демографический потенциал, достаточный для самовоспроиз-

водства населения и трудовых ресурсов с минимальной внешней миграцией. Но кризисы экономики, повторяющиеся под влиянием внешних условий и ошибок внутренней политики, заметно снизили численность населения на Севере: с 12654 тыс. чел. в 1990 г. до 9954 тыс. чел. в 2015 г.; в том числе по Арктической зоне, соответственно, с 3178 до 2383 тыс. чел. Теперь речь идет не о численности населения «любой ценой», а о повышении человеческого потенциала (прежде всего — здоровья) и квалификации занятых во всех сферах экономической деятельности, трансформации природно-ресурсных доходов в его социальный, инфраструктурный и финансовый капитал. Только в таком случае ориентация северных регионов на саморазвитие и эволюционизм была бы правомерной.

Север исторически подготовлен к диверсификации структуры производства на основе глубокой переработки сырьевых ресурсов и широкой кооперации в рамках национальной и мировой экономики. Здесь весьма актуальна проблема воспроизводства природно-хозяйственных комплексов [2, 13].

Для обустройства жизни северян, их хозяйственной деятельности необходимы специальные технологии, приспособленные к экстремальным и сложным климатическим условиям, а именно: территориальная «привязка» типовых проектов с учетом условий удорожания строительства; использование основ зонального проектирования в градостроительстве; разработка и использование техники в северном исполнении; минимизация вспомогательных и обслуживающих производств, широкая технологическая кооперация; применение вахтового, районного и экспедиционного методов освоения полезных ископаемых; организация комплексных промышленно-транспортных компаний, способных на

основе новейших технологий осваивать «разнопрофильные» месторождения полезных ископаемых и обустраивать территорию по единому плану.

С общественной точки зрения наиболее важными социально-экономическими проблемами являются:

– для Арктики и Дальнего Севера – неудовлетворительное состояние социумов малочисленных народов и сложности в организации труда и быта людей при экспедиционном, вахтовом и районном методах освоения природных ресурсов;

– Ближнего Севера – стратегическая неопределенность в деле формирования опорных производственных и торговых баз, а также центров подготовки квалифицированных кадров для всей Северной зоны.

Сейчас особое внимание следовало бы обратить на загрузку неиспользуемых мощностей, на более высокую техническую оснащенность действующих предприятий, особенно в части обогащения и переработки полезных ископаемых. Уровень конечного производственного и личного потребления должен быть достаточным для эффективного общественного воспроизводства в самой России. Внутренний потребитель не должен подвергаться дискриминации в угоду интересам западных стран и отдельных корпораций. Речь идет не только о выгоде вывоза вместо, скажем, сырой нефти бензина, но и о том, чтобы бензин и другие ресурсы эксплуатационного потребления служили бы делу модернизации собственного хозяйства и развитию его высокотехнологичных отраслей.

Снижение удельных капитальных затрат на освоение ресурсов и обустройство территорий Севера связано главным образом с двумя факторами: научно-техническим прогрессом, в том числе разработкой и внедрением северной техники и технологий, и территориальной организацией

хозяйства (оптимизация транспортной сети, минимизация вспомогательных и обслуживающих производств, использование вахтового и районного методов освоения ресурсов и др.). Вместе с тем следовало бы более системно контролировать обоснованность затрат на производство, особенно в части транзакционных издержек.

Бизнес необходимо не только контролировать, но и защищать от разрушительного влияния неорганизованного рынка и учитывать северную специфику хозяйственной деятельности в условиях организованного, регулируемого государством рынка. В принципе такой протекционизм должен реализовываться «классическими» методами регулирования рыночных отношений, то есть через понижение транспортных тарифов, тарифов на тепло- и электроэнергию, ставок налогообложения, через выделение целевых субвенций и льготное кредитование северного завоза. В действительности «классика» не только не соблюдается, но и приобрела противоположный характер: тарифы и налоги повышаются, финансовые ресурсы перераспределяются в пользу Москвы, республик Северного Кавказа и Поволжья, схемы взаимодействия корпораций с бюджетной системой страны «оголяют» территориальные бюджеты.

Проблема инвестиций в экономику Севера ныне стала многоаспектной, но более всего она обусловлена «проеданием» фонда накопления. В качестве одного из направлений решения этой проблемы мы рассматриваем обязательное открытие частных (для предприятия) и региональных инвестиционных счетов с зачислением на них всей суммы амортизации и какой-то доли (скажем, 15%) валютной выручки. Целесообразно установить государственный контроль за целевым использованием средств данных счетов.

С логикой поэтапного решения проблем Севера связано совершенствование экономических отношений между федеральным управлением, региональными правительствами, муниципалитетами, бизнесом. Несовпадение устройства финансово-бюджетной системы Федерации с интересами ее северных (и не только северных) субъектов ставит последние в ущербное положение. К тому же финансовые перекосы приводят к дисбалансу стоимостных пропорций в добывающих и обрабатывающих отраслях хозяйства страны и тем самым нарушают технологическую сопряженность взаимосвязанных производств.

Экологический фактор в развитии Севера не менее актуален, чем производственный. Всем понятно, что состояние природной среды северных территорий определяет уровень безопасности жизнедеятельности населения Земли, прежде всего самих северян. Это понимание не должно иметь лишь абстрактный характер. Оно может изменить историческую тенденцию природопользования на Севере. Эта тенденция до сих пор выражалась в следующем: пока организация природопользования является внутренним делом коренного населения, экологические проблемы не носят фронтального характера, а являются локальными; но как только природные ресурсы становятся товаром внешних собственников, средством накопления капитала, уходящего главным образом в центральную Россию и за границу, товаром, не сопряженным с комплексным использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды, сохранением лучших сторон жизни коренного населения, так экологические проблемы многократно усложняются и становятся региональными, межрегиональными и даже глобальными. В настоящее время эти проблемы ярко проявляются в ухудшении здоровья населения

и нарушении демографического воспроизводства, утрате в ряде мест традиционной деятельности и культурного наследия, в противоречиях между товарно-рентной и экологической функциями тундры и тайги. С переходом к стабильности и росту индустрии вырисовывается тенденция сверхэксплуатации природных ресурсов Севера. Они выходят на первое место в качестве источника накопления капитала, в том числе и потому, что прежние «дармовые» источники — разгосударствление и приватизация — уже исчерпаны. Такая перспектива заставляет думать об охране окружающей среды как важнейшем направлении мировой политики с учетом положительного опыта организации хозяйства на территории зарубежного севера.

Учёт экологического фактора в общественном воспроизводстве отражает реальную картину нашей жизни. Например, по официальным данным, до кризиса 2008–2010 гг. ежегодный рост ВВП в России достигал 6–7%. Но, по данным Всемирного банка, при экологической коррекции (учёте истощения природного капитала и загрязнения окружающей среды) изменения в этот период оцениваются как негативные — минус 10–13% [12, с. 17].

Север «демонстрирует» разнообразие миропорядка, где экономические показатели стоят в одном ряду с социальными и экологическими. Здесь наглядно видна решающая роль природы в жизнедеятельности людей, а потому необходимо усилить экономику как дисциплину по оценке общественно необходимых затрат, включая и денежный эквивалент природных рисков [7, 8]. Но надо иметь в виду, что многие проблемы экологической безопасности сейчас приходится адресовать маломощным в финансовом отношении муниципальным образованиям, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения.

Северное удорожание и общественный характер его сути

Для решения проблем Севера считается достаточным правильно оценить удорожание основных затрат на производство продукции и поддержание среднего уровня жизни по зонам дискомфорта (Крайний Север и местности, приравненные к районам Крайнего Севера). На самом же деле необходима более дробная дифференциация в соответствии с экономико-географическим положением поселений и предприятий: на основной трассе освоения или на его периферии. Например, по расчетам Т.Е. Дмитриевой, коэффициенты изменения сметной стоимости СМР по оси хозяйственного освоения составляют (относительно Московской области): Сыктывкар — 1,43; Ухта — 1,56; Печора — 1,70; Воркута — 1,83. Периферия, тяготеющая к указанным городам, имеет эти коэффициенты соответственно: 1,63; 1,82; 2,00; 2,50 [4, с. 117, 127].

Стратегическое направление решения проблемы совершенствования финансового механизма компенсации северного удорожания — перекрывать удорожание рыночной ценой при строго нормированных частных издержках, уровне рентабельности и общественной составляющей стоимости товара. «Общественная составляющая» становится все более значимой и рассматривается в национальной экономике как неотъемлемая часть общественного расширенного воспроизводства.

Практический характер приобретает теоретическое положение о том, что стоимость национального и даже мирового товарооборота в конечном счете определяется совокупностью потребностей людей, включая и потребность в приемлемой для жизни окружающей среде. Стоимость даже единичного товара не собирается

из частей (отдельных видов затрат), как кажется на первый взгляд, исходя из бухгалтерской калькуляции; она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части, в том числе и на охрану природы и воспроизводство ее потенциалов.

Экономическое стимулирование

С учетом отмеченных обстоятельств государство обязано компенсировать регионам и непосредственно населению Севера недополученные доходы. Принцип компенсации может быть реализован по-разному, но обязательно по правилам и нормам экономического стимулирования. Однако надо иметь в виду и вероятность ложного толкования стимулирования регионов. Напомним, что в разнообразных идеях совершенствования экономического федерализма заложены не только позитивные, но и негативные моменты. Например, некоторые национальные республики в 1990-х гг. инициировали особо опасный курс на полную налогово-бюджетную самостоятельность субъектов Федерации с использованием, так называемого, котлового метода сбора и распределения всех налогов и других финансовых ресурсов. И это несмотря на негативный опыт СССР, когда такой метод, при котором налогоплательщиками в бюджет страны стали непосредственно союзные республики, более всего способствовал его распаду. Ближе к котловому стоит ныне предлагаемый метод нормативного распределения налогов между федеральным и территориальными бюджетами по заранее установленному соотношению, например 50:50. Это ещё более усилило бы и без того чрезмерное социальное неравенство территорий. Незыблемым должен оставаться принцип закрепления первичных источников налогообложения за определенным уровнем

власти в полном объёме или с последующим расщеплением в определённых пропорциях. Этот принцип является фундаментальным в системе экономического федерализма и не ограничивает возможности стимулирования территориального развития.

Тематика экономического стимулирования регионов и в советские времена была актуальной. Но особенно — в годы реформирования и кризисов. Об этом, в частности, вспоминал академик Е.М. Примаков: *«... На заседаниях правительства, которое я возглавлял (после дефолта августа 1998 г. — В.Л.), предлагалось, чтобы до дотационных субъектов Федерации доводилось, скажем, на период между выборами властей фиксированная ставка на пополнение федерального бюджета. Размеры ставки предусматривались в виде разницы между трансфертами из центра и налоговыми отчислениями регионов в федеральный бюджет. Разница определялась как средняя за предшествовавший межвыборный срок. Все заработанные и собранные сверх этого средства предполагалось оставлять в распоряжении регионов. Эту схему, которая могла бы ограничить и субъективизм центра, и лоббирование субъектов Федерации, поддержал в беседах со мной целый ряд губернаторов. Из их высказываний следовало, что внедрение такой схемы создаст серьёзный стимул для увеличения сборов налогов и в конечном счете стимулирования социально-экономического развития регионов»* [9].

Ситуация в весьма дифференцированных по бюджетным доходам северных регионах подсказывает, что данная рекомендация приемлема не только для дотационных регионов, но может быть распространена с некоторыми модификациями на всю систему бюджетного федерализма. Ныне применяемые схемы стимулирова-

ния пока не приносят должного результата. Например, привлечение регионов к исполнению федеральных программ по принципу деления пополам расходов на их реализацию (половина — федеральная, другая половина — региональная). Использование такой схемы, действительно, могло бы стимулировать регионы к более активной деятельности. Однако у большинства из них нет средств на «свою половину».

В настоящее время момент истины заключается в том, чтобы экономические ресурсы страны в большей мере сместить в сторону регионов и муниципальных образований. Существующую ныне бедность территориальных бюджетов и их постоянный и повсеместный дефицит, чрезмерно большой государственный долг субъектов Федерации нельзя признать нормальным состоянием; такое состояние противоречит принципам и нормам конституционного федерализма; оно может трактоваться не как вынужденное, а как искусственно создаваемое ради непомерного возвышения роли федеральной власти.

Укрепить экономическую базу территориального развития можно и через увеличение объема региональной и муниципальной собственности и ее рациональное использование. Например, регионы и муниципальные образования могли бы пополнить свой земельный фонд за счет обобществления тех частных площадей и земельных паёв, которые длительное время не вовлекаются в хозяйственный оборот. Резонной представляется рекомендация хотя бы небольшие площади гослесфонда передать в ведение муниципалитетов. Последние могли бы также более активно создавать имущественные комплексы общего назначения и зарабатывать деньги на их хозяйственном использовании.

Тактика регулирования экономики северных территорий с учетом интересов общества связана главным образом с налогообложением и реструктуризацией затрат. Ранее считалось целесообразным исключение из налогооблагаемой базы затрат, обусловленных действием объективных факторов северного удорожания, и той части прибыли, которая идет на инвестиции в техническую модернизацию производства. Предполагалось наиболее полно и адекватно включать в хозяйственный оборот рентные доходы. В соответствии со структурой природно-ресурсной ренты в качестве основных в добывающих отраслях рассматривались два налога: «плата за недра» — налог, подобный налогу на имущество, «рентный налог» в размере 70% рентного дохода (30% ренты как части сверхдохода должны оставаться у предприятий для их технологической модернизации). В настоящее время примерно так и происходит, но в каких объемах и по какой схеме — обществу не известно. «Внутренняя бухгалтерия», покрытая коммерческой тайной, не позволяет знать истинную стоимость товара, а это, в свою очередь, не позволяет нормативно учесть ее ответственную составляющую.

О районных коэффициентах и северных надбавках за стаж работы в районах Севера (табл. 2)

Они в определенной мере отражают взаимосвязь социального и экономического аспектов жизнедеятельности в конкретных географических границах. Но данную меру не следует преувеличивать. Дело в том, что «северные» мало касаются внебюджетных отраслей хозяйства, где они присутствуют условно в качестве составной части уже фиксированного фонда заработной платы. Если бы не было «северных», то каждый работник все равно получил бы определенную контрактом свою часть данного фонда. Другое дело — бюджетники. Для них районный коэффициент и северная надбавка за стаж работы на Севере являются существенной добавкой к тарифному окладу. Поэтому надо подумать, есть ли надежда на повышение «северных», особенно тем из бюджетников, кто живет в Арктической зоне и примыкающих к ней районах.

Даже с учетом указанных коэффициентов и надбавок трудно дать разумное объяснение росту такого показателя, как соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума,

Таблица 2. Районные коэффициенты и северные надбавки к заработной плате в районах Севера России (без островов Северного Ледовитого океана)*, в %

Зона Севера	Минимум			Максимум		
	Районный коэффициент	Северная надбавка за стаж работы	В сумме	Районный коэффициент	Северная надбавка за стаж работы	В сумме
Европейский Север						
Арктическая зона	50	80	130	80	80	160
Дальний Север	40	80	120	50	80	130
Ближний Север	15	50	65	20	50	70
Азиатский Север						
Арктическая зона	50	80	130	100	80	180
Дальний Север	50	80	130	100	80	180
Ближний Север	30	50	80	40	80	120
* На островах Северного Ледовитого океана районный коэффициент составляет 2,0 (100%), северная надбавка — 100%; в сумме — 200%, то есть увеличена в три раза.						
Источник: http://bushminsergey.blogspot.ru/2013/01/blog-post.html (дата обращения: 5 июля 2016 г.).						

поскольку реальные доходы снижаются, прожиточный минимум, «благодаря» росту цен, в расчете на деньги увеличивается. Кстати заметим, что данное соотношение в Республике Коми в 1,2 раза ниже, чем в среднем по РФ, и в 1,6 раза ниже, чем в Москве. Северные коэффициенты и надбавки к заработной плате не компенсируют дороговизну жизни в регионах Севера. «Северные» лишь немного сглаживают показатели социального расслоения по доходам: коэффициент фондов в среднем по России в 2014 г. составил 16 (во столько раз доходы десятой (верхней) группы отличаются от доходов первой (нижней) группы населения), в республиках: Карелия – 10,3, Коми – 14,9, Саха (Якутия) – 14,5; в областях: Мурманской – 12,5, Архангельской – 11,3, Магаданской – 14,0, Сахалинской – 16,1; в автономных округах: Ненецком и Ямало-Ненецком – 17,6, Ханты-Мансийском – 16,9, Чукотском – 16,1; в Камчатском крае – 11,5 [11, с. 227]. О нетерпимости такого положения в социальной стратификации как в России в целом, так и в ее регионах экономическая наука и социология заявили уже лет 15 назад, указывая на пример европейских стран, где этот показатель составляет 7–8 раз.

Арктическая проблематика и общественный интерес

Со стороны федерального правительства России развитие Арктики рассматривается главным образом по двум основным направлениям: 1) обустройство Северного морского пути как важнейшей составной части общей транспортной системы страны и как геополитического фактора укрепления позиций РФ в мировом морском судоходстве; 2) формирование прибрежной инфраструктуры оборонного и хозяйственного значения. Предпринима-

ется попытка оба направления реализовать посредством программно-целевого формирования «опорных зон» социально-экономического развития. Ключевыми точками роста каждой зоны считаются те, которые нацелены на решение двух отмеченных задач.

Правительства и муниципалитеты арктических территорий, как и в других регионах России, имеют отношение ко всему структурно-функциональному спектру экономики и социальной сферы. Их специфический интерес к арктическому вектору развития заключается лишь в надежде получить дополнительные федеральные ресурсы для повышения уровня жизни населения. Содержание арктической политики тем самым определяется проблемами развития конкретных территориальных общностей людей и, следовательно, не сводится к какому-либо одному виду задач – геополитических, транспортных, военных, топливно-энергетических, биоресурсных, этнокультурных и т.п., но ко всей их совокупности, что и соответствует общей методологии устойчивого развития.

Заключение

Общественные ориентиры регионального развития указывают, что современная социально-экономическая проблематика Севера и Арктики России должна переместиться с освоения природных ресурсов «вширь» на комплексное развитие «вглубь», то есть на модернизацию уже созданного хозяйства, реструктуризацию систем расселения населения, транспорта, промышленности и сельского хозяйства. Актуализация арктической тематики позволяет еще раз обратить внимание на социальное и экологическое обустройство уже сформированных территориально-хозяйственных комплексов, отдельных промышленных центров и сельской периферии; продление

срока эксплуатации действующих промыслов, шахт и горнорудных комбинатов с использованием новейших технологий добычи, обогащения и переработки сырья; сбалансированное использование биоре-

сурсов тундры и северных морей; создание научно-технической инфраструктуры Северного морского пути и арктических предприятий; приобщение местной экономики к нуждам оборонных объектов.

Литература

1. Бабаев, К.В. Стратегия развития Мурманской области: SWOT – анализ / К.В. Бабаев // Современные производительные силы. – 2013. – №4. – С. 59-75.
2. Васильев, В.В. Методология комплексного природохозяйственного районирования северных территорий и российской Арктики / В.В. Васильев, В.С. Селин. – Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2013. – 260 с.
3. Лаженцев, В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития / В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2015. – 176 с. (ИСЭ и ЭПС. Коми научный центр УрО РАН).
4. Лаженцев, В.Н. География и практика территориального хозяйствования / В.Н. Лаженцев, Т.Е. Дмитриева. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 137.
5. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор. Доклад о мировом развитии – 2009 [Электронный ресурс]. – Вашингтон: Всемирный банк, 2009. – 33 с. – Режим доступа: www.worldbank.org.
6. Пилясов, А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России / А.Н. Пилясов // Региональные исследования. – 2011. – №1. – С. 4-31.
7. Порфирьев, Б.Н. Природные риски в условиях современного экономического роста: теория и практика государственного и негосударственного управления / Б.Н. Порфирьев // Российский экономический журнал. – 2006. – №1. – С. 37-48.
8. Порфирьев, Б.Н. Фактор климатических рисков в инновационной стратегии развития / Б.Н. Порфирьев // Регион: экономика и социология. – 2011. – №1. – С. 193-213.
9. Примаков, Е. О России сегодня [Электронный ресурс] / Е. Примаков. – Режим доступа: <http://www.gas.ru/news/shownews.aspx?id=745e16d8-c813-47f3-9e4d-827e3360777f>.
10. Пчелинцев, О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития / О.С. Пчелинцев; Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: Наука, 2004. – 258 с.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – 1266 с.
12. Сдасюк, Г.В. «Рио + 20»: концепция устойчивого развития «Зелёной экономики» и проблемы её реализации в России / Г.В. Сдасюк, А.А. Тишков // Россия и её регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – С. 12-37.
13. Селин, В.С. Российская Арктика: география, экономика, районирование / В.С. Селин, В.В. Васильев, Л.Н. Широкова. – Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2011. – 203 с.
14. Селин, В.С. О приоритетах государственной политики в северных регионах / В.С. Селин, Е.И. Зайцева, А.В. Истомин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №2. – С. 38-49.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев – член-корреспондент РАН, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Lazhentsev V.N.

Public Nature of the Concepts for Economic Development in the Northern and Arctic Regions of Russia

Abstract. In a situation when Russia's economic development is unbalanced by factors and financial sources, there emerges a threat of depletion of its natural resources in the Northern and Arctic regions, which does not bring any apparent benefit to Russia itself, and especially to its northern dwellers. In order to work out a proper policy with relation to the North, it is necessary to consider not only the specifics of the raw material specialization of the Northern and Arctic territories and their structural-functional organization, but also the crucial public nature of this specialization and this organization. It is from the point of view of public interest and national security of our country that residents of the North should be viewed not as a tool to provide the world economy with raw materials and fuel, but as an inherently valued reality, competing for their "place under the sun" and capable of equipping this place based on their own abilities, needs and perceptions of well-being. The purpose of the present paper is to show the social character of the interdependence between internal and external factors in the development of the North and the Arctic: the national and world market of mineral raw materials and fuel, the transcontinental, regional and local environmental functions of the tundra and taiga, the general trends of improving economic federalism and a special approach to stimulating regions that have extreme and difficult conditions of life and production, the priority of social welfare of the population rooted in the North and in the Arctic along with the desire for national socio-territorial equity.

Key words: social change, northern specifics, concepts, development and improvement, economic incentives, environmental factor, systemwide upgrade.

References

1. Babaev K.V. Strategiya razvitiya Murmanskoi oblasti: SWOT – analiz [Development strategy for the Murmansk Oblast: a SWOT analysis]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern productive forces], 2013, no. 4, pp. 59-75. (In Russian).
2. Vasil'ev V.V., Selin V.S. *Metodologiya kompleksnogo prirodokhozyaistvennogo raionirovaniya severnykh territorii i rossiiskoi Arktiki* [Methodology of integrated environmental management zoning of northern territories and of the Russian Arctic]. Apatity: Kol'skii nauchnyi tsentr RAN, 2013. 260 p. (In Russian).
3. Lazhentsev V.N. *Sever Rossii: voprosy prostranstvennogo i territorial'nogo razvitiya* [The North of Russia: issues of spatial and territorial development]. Syktyvkar, 2015. 176 p. (In Russian).
4. Lazhentsev V.N., Dmitrieva T.E. *Geografiya i praktika territorial'nogo khozyaistvovaniya* [The geography and practice of territorial economic management]. Yekaterinburg: Nauka, 1993. P. 137. (In Russian).
5. *Novyi vzglyad na ekonomicheskuyu geografiyu. Obzor. Doklad o mirovom razvitiy – 2009* [World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography]. Washington, D.C.: Vsemirnyi bank, 2009. 33 p. Available at: www.worldbank.org.
6. Pilyasov A.N. Novaya ekonomicheskaya geografiya (NEG) i ee potentsial dlya izucheniya razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil Rossii [New economic geography (NEG) and its potential for the study of Russian productive forces]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], 2011, no. 1, pp. 4-31. (In Russian).
7. Porfir'ev B.N. Prirodnye riski v usloviyakh sovremennogo ekonomicheskogo rosta: teoriya i praktika gosudarstvennogo i negosudarstvennogo upravleniya [Natural risks in the conditions of modern economic growth: the theory and practice of governmental and non-governmental management]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 2006, no. 1, pp. 37-48. (In Russian).
8. Porfir'ev B.N. Faktor klimaticheskikh riskov v innovatsionnoi strategii razvitiya [Climate risks factor in an innovation development strategy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Regional research of Russia], 2011, no. 1, pp. 193-213. (In Russian).

9. Primakov E. *O Rossii segodnya* [About Russia today]. Available at: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=745e16d8-c813-47f3-9e4d-827e3360777f> (In Russian).
10. Pchelintsev O.S. *Regional'naya ekonomika v sisteme ustoichivogo razvitiya* [Regional economy in the sustainable development system]. Moscow: Nauka, 2004. 258 p. (In Russian).
11. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015: stat. sb.* [The Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2015: statistics collection]. Moscow: Rosstat, 2015. 1266 p. (In Russian).
12. Sdasyuk G.V., Tishkov A.A. "Rio + 20": kontsepsiya ustoichivogo razvitiya "Zelenoi ekonomiki" i problemy ee realizatsii v Rossii ["Rio + 20: sustainable development concept of the "Green economy" and the problems of its implementation in Russia]. *Rossiya i ee regiony: integratsionnyi potentsial, riski, puti perekhoda k ustoichivomu razvitiyu* [Russia and its regions: integration potential, risks, ways of transition to sustainable development]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012. Pp.12-37. (In Russian).
13. Selin V.S., Vasil'ev V.V., Shirokova L.N. *Rossiiskaya Arktika: geografiya, ekonomika, raionirovanie* [Russian Arctic: geography, economy, zoning]. Apatity: Kol'skii nauchnyi tsentr RA N, 2011. 203 p. (In Russian).
14. Selin V.S., Zaitseva E.I., Istomin A.V. O prioritetakh gosudarstvennoi politiki v severnykh regionakh [Tax tools and state guarantees in the northern regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2012, no. 2, pp. 38-49. (In Russian).

Information about the Author

Vitalii Nikolaevich Lazhentsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Geography, Chief Research Associate, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 11.07.2016